

Историко-социологические особенности формирования качественного и количественного состава населения Южного Урала в период колонизации и дальнейшего развития

*Евсеев Иван Валентинович
доцент кафедры философии и социологии СФТИ НИЯУ МИФИ
г. Верхний Уфалей Челябинской области iiiiiv@mail.ru*

В статье рассматривается вопрос влияния осужденных на количественный и качественный состав населения южно-уральских городов и поселков в период индустриальной колонизации. На процесс колонизации особое влияние оказали представители уголовно-исполнительной системы. Местное население на 1/3 состояло из выходцев этой системы и в силу этого обстоятельства жители больше сочувствовали ссыльным и заключенным. И совсем не доверяли представителям власти в лице полиции.

Ключевые слова: ссыльные, заключенные, тюрьмы, железодельные заводы, спецконтингент, жители городов.

В России на процесс колонизации Урала и Сибири огромное влияние оказали представители специального контингента (спецконтингента) уголовно-исполнительной системы. Усилиями этого контингента добывались полезные ископаемые, строились производственные объекты, города и крепости.

Вопросом развития Уральского региона занимались многие известные исследователи, такие как Л.Н. Мазур, И.С. Елисеева, В.П. Мотревич, А.П. Абрамовский. Но несмотря на обилие исследовательских работ, остается открытым вопрос: Как повлиял спецконтингент учреждений исполнения наказания на качественный и количественный состав населения южно-уральских городов и поселков?

Богатейший Уральский регион еще со времен Ивана Калиты привлекал людей. Люди шли на «Камень» за «закамским серебром» [2], а позже людей привлекли уральские рудные месторождения. Начиная с XVII в. началось промышленное освоение этого района. Суровый климат, лесные чащобы и отсутствие дорог и населенных пунктов пугали первооткрывателей. Многие возвращались, не выдержав первых зимовок, в обжитые места [13]. По утверждению заводчиков, строивших первые заводы на Урале, местные людские ресурсы только на 10 % могли покрыть недостаток рабочей силы [30]. Нужны были люди, которые могли бы работать на постоянной основе или в определенное время. Нанимать свободных людей из центральных районов государства было не-

выгодно. По мнению Р. Порталья, недостаток рабочих рук, надежно скрытых на огромных пространствах Урала, во многом объясняет неудачу попыток строительства в то время на этих территориях промышленных объектов [31]. Местная власть и заводчики искали выход, и выход был найден. Такими людьми становились ссыльные на каторгу и поселения при заводах.

Еще в начале XVIII в. на уральские заводы, принадлежащие казне, стали приписывать крестьян и посылать осужденных к каторжным работам и ссыльных для поселения. «Звон кандалов на улицах новых Уральских городов и заводских поселков был привычен, как и лязг лопат и топоров. Подневольный труд их был использован на рудниках и заводах, на строительстве крепостей и дорог. На каждом Уральском заводе наряду с устройством производства строилась также в первую очередь заводская тюрьма, холодная изба или чулан. В эти сооружения исполнения наказания могли попасть наряду с каторжниками и разбойниками приписные крестьяне и даже мастеровые из числа свободного населения. Рабочие из числа крепостных и каторжников были связаны круговой порукой. Инструкция управляющего уральскими казенными заводами Вилима Геннина возлагала обязанности тюремных смотрителей на вольных мастеровых, которые в случае бегства каторжника могли занять его место. В инструкции дословно говорилось: «А если какой мастер от своего горна арестанта потеряет, то ему быть самому в каторжной работе, до того времени пока тот арестант сыскан будет» [15]. То есть любой мастеровой мог изменить свой статус и стать каторжником в случае бегства каторжанина. Каторжники, работая вместе с приписными крестьянами, составляли внушительную часть работников заводов. Так, на якорной фабрике в Екатеринбурге при Геннине их насчитывалось 16 человек, что составляло около 40 % от всех работающих [20]. На златоустовском заводе из 200 работающих заключенные составляли до 70 человек. В июле 1759 г. крестьяне Куяровской и Юрмытской слобод «по общему между собой согласию» бежали с Кыштымского завода, куда были приписаны. Заводская администрация перехватила 137 беглецов и направила их на завод, но по дороге 60 крестьян снова бежали, но остальныеполнили контингент заводской тюрьмы [29]. Как правило, заключенных местных тюрем после отбытия наказания оставляли на вечную жизнь при заводе. Получалось, что на заводах работала 1/3 каторжан, которые по окончании срока оставались при заводах.

Возникший в 1754 г. Илецкий соляной промысел изначально основывался на подневольном труде. Основу рабочей силы промысла составляли 130 невольников, ломавших соль на казенный счет [16]. Через десять лет число работающих увеличилось. В историческом обзоре говорится: Постановлением Сената ссыльные закреплялись на вечное поселение в Илецкой Защите, которая стала местом вечной ссылки пре-

ступников. В это время здесь находилась рота оренбургского гарнизонного полка (206 чел.), 18 человек от артиллерийского гарнизона, 100 человек оренбургского казачьего полка, число ссыльных — около 300 человек. Было решено построить солдатскую казарму на 219 человек, а также тюрьму на 300 человек и больницу [16].

Немало ссыльных находилось в Оренбурге, Троицке, других городах губернии. По данным «Генеральной таблицы», в 1767 г. в губернии находились около 1200 ссыльных, «присланных из разных судебных мест», из них 814 — на поселение и 380 — в казенные работы, с ними было 59 детей. В отношении последних в документе отмечалось: «...для обучения оных... российской грамоте по указу из правительствующего Сената учреждена и имеется в Оренбурге школа, в которой они обучаются» [28].

Это была первая волна промышленной колонизации. Вторая волна началась в связи с окончанием промышленного переворота. Именно в это время Южный Урал получил вторую волну переселения. В эту волну включались как вольные, так и ссыльно-каторжные, для которых новые промышленные объекты становились местом постоянного пребывания.

Начиная с 1869 г. спецконтингент, приговоренный к каторжным работам и ссылке, концентрировался в специальных тюрьмах. Это были специализированные тюрьмы, которые строились на пути этапов. В народе эти тюрьмы называли «централами». Это были своего рода накопители каторжников, откуда они организованным этапом отправлялись в Сибирь через уральские пересыльные тюрьмы и этапы. Но на Урале строительство этих тюрем запаздывало, а прежние заводские, городские тюрьмы и этапы не могли справиться с потоком каторжан, так как были наполнены собственным контингентом. Многих из этого спецконтингента отправляли на местные заводы и рудники, где были собственные тюрьмы. Этапы шли по новому Сибирскому тракту через Уфимскую губернию, где было всего 5 тюрем и два этапа — в Мензелинском и Златоустовском уездах. Тюрьмы представляли собой довольно капитальные сооружения с системой отопления, где этаплируемые заключенные могли оставаться на зимовку. Этапные помещения же представляли собой дощатые бараки, огороженные высоким забором, где этаплируемые каторжники и ссыльные могли размещаться в летнее время. Получалось, что в зимние месяцы, пока были закрыты снегом Уральские перевалы, спецконтингент зимовал в местных тюрьмах, что во многом ложилось тяжелым бременем на местную тюремную администрацию, у которой не было денег на обеспечение такого контингента.

Так, заводская гауптвахта в Златоусте до 1864 г. была единственным местом содержания людей, совершивших правонарушение. Администрация городка постоянно обращалась к заводским надзирателям с прось-

бой о принятии на содержание жителей, приговоренных судом к лишению свободы. Число спецконтингента гауптвахты год от года увеличивалось, и администрацией было принято решение о найме для этих целей частного дома обывателя П. Соловьева. Нанятый дом был деревянным и не имел решеток на окнах, что способствовало частым побегам.

В Златоустовском заводском округе, до издания Высочайше утвержденного 8 марта 1861 г. Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов [21], существовало три полиции. Две из них были организованы на заводах в Златоусте и Миассе. Заводские полиции состояли из полицмейстеров, полицейских приставов и других нижних чинов, которые следили за порядком на заводах, расследовали преступления и отвечали за работу заводской гауптвахты. Третья окружная полиция под управлением горного исправника действовала на прочих же заводах Златоустовского округа. К таким заводам относились Кусинский, Саткинский и Артинский. Полицейской частью этих заводов заведовали, под наблюдением управителей, одни полицейские приставы.

Заводская и окружная полиция занималась вопросами: гражданско-го благоустройства во всех частях заводских, в заводских селениях, рудниках и прочих местах, принадлежащих к заводам; сбережение и законное употребление лесов, к оным отведенных; охранение всего заводского имущества и вообще надзор за охранением общественного порядка и общественной безопасности в пределах заводского округа и производство всех следственных дел.

Общее число служащих, относящихся к полиции в 1844 году в Кусинском, Саткинском и Артинском заводах, было: полицейских приставов — в каждом по одному, казаков — по три для охраны и десятников по одному на завод [19]. На основании примечания 1-го к 15-й статье Положения от 8 марта 1861 г. существовавшие в заводских селениях горные полиции при образовании горнозаводского общественного управления были закрыты, причем местному заводскому начальству было предоставлено право надзора за охранением общественного порядка и общественной безопасности в селениях округа.

Заводские отделения и рудники Златоустовского округа получали возможность по-прежнему иметь свои места заключения для правонарушителей. Тот же Бакальский рудник, к примеру, служил особым местом заключения для провинившихся работников со всех южноуральских многих заводов, начиная Симским и кончая Саткинским, причем многие из «преступников» предпочли бы другое наказание — будь то плети или шпицрутены. Местное население, видя это и помня свое положение, сочувствовало заключенным и поддерживало их. Беглых прятали на дальних заимках и вырубках, где стояли углежечьные печи. Так, в Кыштымском округе почти на каждой заимке в 1858 г. были обнаружены беглые, которые именовали себя Безродновыми. По ревиз-

ской сказке 1858 г. на Каслинском заводе Безродновых насчитывалось 30 семей [11].

В целом в поселках, где были тюрьма или этап, наблюдалось проникновение ссыльного населения в местный контингент жителей, ранее прибывшего в эти края. Местное население делилось с каторжниками и ссыльными продуктами и одеждой. Если же кто из местных попадал в охрану тюрем или этапов, это сразу отражалось на определенных вольностях жизни тюрьмы или этапа.

Губернское полицейское и тюремное правление не могло с этим эффективно бороться из-за недостатка в подготовленных кадрах. И в 1860—1870 гг. на Южном Урале это привело к разделению полномочий. Губернское правление решило вывести тюрьмы из-под юрисдикции горного правления. Все тюрьмы выводились с территории заводов, и их охрана передавалась воинским подразделениям. Этапники, ссыльные, заключенные и правонарушители из города были большой обузой для заводских тюрем. Оренбургское губернское тюремное правление решало вопрос о постройке губернских и уездных тюрем. А на время постройки тюрем заключенных, по мнению правления, можно было разместить в нанятых квартирах.

Так, в Златоусте в 1878 г. губернское тюремное управление рассмотрело вопрос о найме каменного двухэтажного дома унтер-офицера Петелина по улице Алексеевской. В мае 1879 г. данное помещение было предоставлено для размещения тюрьмы на время строительства тюремного замка [1].

По подсчетам Б. Н. Миронова, фактическое наполнение тюрем в стране превосходило лимитное в 1,4 раза и увеличивалось с заметной прогрессией [17]. Чтобы разместить весь прибывший и местный спецконтингент, Главное тюремное управление российского государства разрешило на местах нанимать у частных лиц здания для размещения заключенных. Так, в самом Челябинске было нанято два здания — одно под тюремную больницу у купца Михаила Крашенинникова сроком на 6 лет за 500 рублей в год, другое у купца Соломона Бренна сроком на 6 лет за 400 рублей в год [8]. В другом уездном городе Оренбургской губернии Верхнеуральске под тюремную больницу был нанят дом у вдовы коллежского советника Копочинской [9]. В другом городе этой же губернии — Троицке под тюрьму переделали здание городской больницы [10]. Наряду с наймом местная власть пыталась провести ремонт помещений. На эти цели собирались деньги. В одном из циркуляров министра внутренних дел С. Ланского прямо требовалось от начальников губерний доставить в министерство подробные сведения о состоянии капитала, собранного на устройство присутственных мест и тюрем [27].

Острая нехватка помещений и их плохое техническое состояние отражались на режиме содержания и на дальнейшей судьбе заключенно-

го. Он мог попасть в другую категорию и дальше отправиться в другое место для отбытия уголовного наказания. В уральских тюрьмах отмечались случаи, когда арестанты не были распределены по категориям и по видам преступлений. В Златоустовской и челябинских тюрьмах мало-летние преступники и дети арестантов содержались в общих камерах совместно с взрослыми арестантами [3].

Развитие системы исполнения наказаний предусматривало строительство новых зданий тюремных учреждений. К 1890 году в Уфимской губернии было построено новых 11 тюремных зданий, проведен капитальный ремонт 57 ветхих тюремных зданий.

«Обзор Уфимской губернии за 1910 год» дает общее представление об учреждениях исполнения наказания в начале XX в. Всего в губернии насчитывалось 6 тюрем, из которых три были каменными — в Уфе, Белебее и Мензелинске, и три деревянными — в Бирске, Стерлитамаке и Златоусте. В них содержалось 2563 заключенных, из которых 2435 мужчин и 128 женщин. Это был довольно внушительный контингент по численности, равный среднему заводскому поселку.

В 1886 году в Златоусте была введена в строй новая тюрьма в два этажа на 9 общих камер для этапных и 10 камер для срочных и следственных. Рядом размещался каменный дом тюремного смотрителя и помещения канцелярии и караула. По другую сторону от тюремного замка располагались кухня и склады. Отдельно были выстроены каменные ретиралы. Весь тюремный комплекс по периметру был обнесен 3-метровым кирпичным забором. Находилась она на улице Златоустовской рядом с заводом, с территории которого были видны окна камер, расположенных на втором этаже. Порядки в тюрьме, по свидетельству очевидцев, были на редкость мягкими: «Двери камер не закрывались, и арестованные свободно ходили по коридорам и тюремному двору».

В Оренбургской губернии в этот период действовало 5 тюрем — в Оренбурге, в Орске, Верхнеуральске, Троицке и Челябинске [6]. Необходимо сказать, что в этот период состояние тюрем по всему Уралу было одинаковым. Большинство из них были деревянными. В первую очередь, обращает на себя внимание теснота помещений. Число заключенных превышало все допустимые нормы. В циркулярном письме от 25 сентября 1879 г. Главное тюремное управление России устанавливало нормы, согласно которым в камере на одного арестанта должно было иметься по 2 кубических сажени воздуха [22]. Но эти нормативы оставались только на бумаге. Действительность была другой. Так, в оренбургской тюрьме и двух ее отделениях, размещенных в снятых для этой цели помещениях, должно было содержаться 265 человек, а в действительности содержалось в них 452 человека [5]. В уездном городе Троицке тюрьма была рассчитана на 90 человек, а содержалось в ней до 200 че-

ловец [4]. Кроме того, во многих городах губернии тюрьмы требовали ремонта из-за своей ветхости [7]. В силу сложившихся обстоятельств для разгрузки тюрем губернское тюремное правление шло на хитрость и передавало часть заключенных на работы в заводы и рудники, откуда заключенные иногда не возвращались. Если они хорошо работали, то заводское правление находило причину оставления таких заключенных у себя с последующим освобождением.

Но в конце XIX в. запросы на арестантский труд стали маленькими и тюремная администрация пыталась занять заключенных работами в учреждении. В циркуляре от 20 мая 1880 г. констатировалось, что не во всех губерниях арестантские работы были организованы [23]. Причинами тому являлись неблагоприятные региональные условия. Главная из них — недостаток спроса на арестантский труд. Малочисленность конвоя во многих городах препятствовала выходу арестантов на внешние работы, а внутренние работы не всегда могли быть осуществимы из-за тесноты тюремных помещений. Взаимосвязь существовавших проблем усложняла борьбу с ними. В упомянутом циркуляре анализировалась практика бесплатных казенных работ арестантов по очистке площадей, улиц, дворов. Был сделан однозначный вывод о неправомерности такой практики, поскольку, согласно букве закона, бесплатно арестанты могли работать только на внутренних работах либо во время эпидемий и других экстремальных ситуаций. Необходимым элементом тюремной системы XIX в. становились мастерские. Но их количество было недостаточным. Так, в оренбургском тюремном замке под мастерскую была приспособлена только одна из камер. Мастерские арестанты занимались починкой обуви, одежды, белья. Остальные арестанты занимались уборкой двора, камер, возили воду. Арестанты выполняли работы в тюремном хозяйстве, шили обмундирование для заключенных и надзирателей. Эта работа, естественно, не оплачивалась. Нередко заключенные исполняли разнообразные частные заказы за плату — плотничьи, кузнечные, слесарные, сапожные, столярные, картонажные. Особое место в производстве занимали кирпичные заводы, имевшиеся при трех тюрьмах, уфимской, мензелинской и стерлитамакской.

Рост преступности в период революции 1905—1907 гг., массовые политические выступления и аресты их участников привели к тому, что тюрьма оказалась переполнена. В камерах, рассчитанных на 100 арестантов, содержалось по 300—400 человек. Такая же ситуация сложилась и в других тюрьмах края. А промышленный подъем определил новый спрос на труд заключенных. Поэтому Главное тюремное управление разрешило приступить к постройке новых тюрем в Златоусте, Верхнеуральске и Челябинске. Спецконтингент использовался на контрагентских работах в местных рудниках и заводах, что давало возможность строить за свой счет, путем самофинансирования. Начальник тюрьмы

заключал договоры с управлением горных заводов и напрямую с начальниками златоустовских заводов [12].

Бывшие заключенные, отбыв срок уголовного наказания, вливались в мирную жизнь южно-уральских городов и поселков, тем самым увеличивая численность жителей этого региона. Статистические данные помогают нам определить отправные точки развития Южного Урала накануне советской индустриализации. Первая Всероссийская перепись 1897 г. выявила, что на Урале проживало 4 811 300 человек, из них в городах и поселках при заводах проживало 837 800 человек [25], что составляло примерно 18 % от всего населения. Доля горожан в регионе была выше, чем в целом по стране: тогда городское население России составляло 15 % [18].

К 1913 году численность населения Урала увеличилась до 6 335 000 человек [26]. Получалось, что за 16 лет численность увеличилась почти на 2 000 000 человек, при этом бывшие ссыльные составляли от 10 % представленного количества.

В связи с революцией и начавшейся Гражданской войной численность населения на Урале существенно не изменилась. Это было вызвано тем, что строительство промышленных объектов не велось, и переброска заключенных из центра страны была приостановлена. Контингент тюрем был небольшим. Так, в верхнеуральской тюрьме заключенных насчитывалось 130 человек, в златоустовской 148 человек, в челябинской около 300 человек и это были не этапные заключенные, а представители уездных лагерей и арестантских столов. Все заключенные числились за разными ведомствами, такими как ВЧК, НКВД и местными советами. Этапы больше не шли на Урал. Промышленные объекты не возводились и, в связи с этим, стабилизировалась численность. Так, на 1920 г. в соответствии с проведенной переписью на Урале проживало 6573,9 тыс. человек, из них 1243,2 тыс. или 19 % в городах. Основная масса горожан (53,6 %) была сосредоточена в Горнозаводском Урале, включавшем Екатеринбургский, Челябинский и Златоустовский округа [24]. Именно в этих районах концентрировалась основная масса ссыльных и каторжных начала XX века.

Период освоения Южного Урала завершился в начале XX века. За этот период на территории Южного Урала возникли новые города и поселки, появилась определенная инфраструктура в виде железных дорог и трактов. А главное — на Урале появилось необходимое количество населения для его промышленного освоения. Население было само по себе не народным. Примерно от 10 до 30 % населения каждого поселка и городка составляли выходцы из системы исполнения уголовного наказания. Такой разброс в численности зависел от значимости поселения для государства. Эта часть во многом определила традиции и быт заводских поселков и маленьких селений, а также окраин губернских городов. Многие заключенные после отбытия уголовного наказания остава-

лись на рудниках и заводах. Заводили семью, обрастали родственными связями. И никто из новых родственников и окружения этих людей не корил их за тюремное прошлое, а наоборот помогал бывшим заключенным адаптироваться в обществе и во многом сам перенимал традиции мест лишения свободы. Так рождалась традиция не выдавать «своих», не помогать представителям власти. Это проявилось в период первой русской революции и событиях Гражданской войны.

Помимо непосредственного воздействия на динамику численности поселений, их внешний облик, ссыльные и каторжники фактически являлись примером будущего. Они создавали модель последующего развития Южного Урала в соответствии с командно-административными принципами, где интересы человека и его судьба являлись не значимыми. Главным становился вопрос освоения края. Исходя из рационалистического подхода, создание и функционирование поселений должно было соответствовать долговременным или сиюминутным целям государства. К таким целям можно отнести, например, освоение труднодоступных с неблагоприятным климатом, но богатых полезными ископаемыми территорий, таких как Урал. А благоустройство человека и его будущее отходили на второй план. Человек в таких условиях рассматривался в качестве механизма.

Подобный подход получил дальнейшее развитие в 1920–50 гг. и способствовал индустриализации края в соответствии с административными принципами [14].

Литература

1. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 // Архив текущих документов музея учреждения Си-4 ГУФСИН России по Челябинской области.
2. *Баньковский Л.В., Ожиганова М.Н.* Соль пермской земли. Соликамск: СГПИ, 2004. 215 с.
3. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.
4. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 25-25 об.
5. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. ЛЛ. 25, 33.
6. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л.13.
7. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. ЛЛ. 17–18.
8. Государственный архив Оренбургской области ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.
9. Государственный архив Оренбургской области ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 12.
10. Государственный архив Оренбургской области ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 25.
11. Государственный архив Пермского края. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2485. Д. 2486.
12. Златоустовский архив Челябинской области Ф. 20. Оп. 1. Д. 2915. Л. 23.

13. *Злотников М.Ф.* Первое описание уральских и сибирских заводов // Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов в 1735 г. М., 1937. С. 18–19.
14. *Мазур Л.Н.* // Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930-1950 гг // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 176–199.
15. *Лапин В.П.* От Илецкой защиты до Соль-Илецка. Оренбург: Орлит-А, 2009. 151 с.
16. *Лобyseвич Ф.И.* Илецкая Защита // Всемирная иллюстрация, 1870, № 81. С. 500–502.
17. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2000. С. 36.
18. Население СССР: справочник / Под общ. ред. Л.М. Володарского. М.: Политиздат, 1983. С. 19.
19. Объединенный государственный архив Челябинской области ОГАЧО филиал Златоустовский архив. Ф. И-11. Оп. 1, Д. 739; Ф. И-67. Оп. 1. Д. 8144; Ф. 19. Оп. 1. Д. 154, 638; ОГАЧО, Ф. И-170, Оп. 2, Д. 91.
20. Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4736.
21. Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов. 8 марта 1861 г. Государственный архив новосибирской области ГАНО. Ф.Д-78. Оп. 1. Д. 237. Л. 8.
22. Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879–1910 гг. Ч. I. 1879–1895 гг. СПб., 1911. № 2677. С. 100.
23. Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879–1910 гг. СПб., 1911. № 4364. С. 126–127.
24. Уральское хозяйство в цифрах, 1926 год: краткий статистический справочник. Свердловск: Уральское областное статистическое управление, 1926. С. 6.
25. Уральское хозяйство в цифрах, 1927 год: краткий статистический справочник. Свердловск: Уральское областное статистическое управление, 1927. С. 5.
26. Уральское хозяйство в цифрах, 1927 год: краткий статистический справочник. Свердловск: Уральское областное статистическое управление, 1927. 514 с.
27. ЦГАИ РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 383. Л. 58. Л. 121.
28. Центральный Государственный Исторический Архив Республики Башкортостан ЦГАИ РБ. Ф. И-6. Оп. 5. Д. 432. Л.383.
29. *Черданцев И.К.* Талица: от основания до современности / И.К. Черданцев; авт. предисл. В. Чертовыков. Талица, 1992. 165 с.
30. *Черкасова А.С.* Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М.: Наука, 1985. С. 79.
31. *Portal R.* LOural au XVIIIe siecle: etude d'histoire economique et sociale. Paris, 1950.

Historical and sociological features of qualitative and quantitative structure of Southern Urals population during colonization and later

Evoseev Ivan

Snezhins Engineering Physics Institute,

National Research University «Moscow Engineering Physics Institute»

Verkhny Ufaley, Chelyabinsk region, Russia. iiiiv@mail.ru

Author considers influence of convicted persons on quantitative and qualitative structure of population in Southern Urals towns and settlements in the time of industrial colonization. Colonization process was strongly influenced by convicts. Local population was 1/3 former convicts and due to this residents sympathized to exiled and convicted. They did not trust authorities represented by police at all.

Keywords: exiled, convicts, prisons, iron works, special contingency, towns residents.

References

1. F. 2. Op. 1. D. 3. L. 3 //Архив текущих документов музея учрежденной Си-4 ГУФСИН России по Челябинской области.
2. *Ban'kovskiy L.V., Ozhiganova M.N.* Sol' permskoy zemli. Solikamsk: SGPI, 2004. 215 s.
3. GAOO. F. 134. Op. 1. D. 35. L. 10.
4. GAOO. F. 134. Op. 1. D. 35. L. 25-25 ob.
5. GAOO. F. 134. Op. 1. D. 35. LL. 25, 33.
6. GAOO. F. 134. Op. 1. D. 35. L.13.
7. GAOO. F. 134. Op. 1. D. 49. LL. 17–18.
8. Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti GAOO. F. 134. Op. 1. D. 35. L. 9.
9. Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti GAOO. F. 134. Op. 1. D. 35. L. 12.
10. Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti GAOO. F. 134. Op. 1. D. 35. L. 25.
11. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya. GAPK. F. 111. Op. 1. D. 2485. D. 2486.
12. Zlatoustovskiy arkhiv Chelyabinskoy oblasti F. 20. Op. 1. D. 2915. L. 23.
13. *Zlotnikov M.F.* Pervoe opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov // Gennin V. Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov v 1735 g. M., 1937. S. 18–19.

14. *Mazur L.N.* // Kray ssylki: osobennosti formirovaniya i razvitiya sistemy rasseleniya na Urale v 1930–1950 gg // Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. Ekaterinburg, 2002. Vyp. 2. S. 176–199.
15. *Lapin V.P.* Ot Iletskoy zashchity do Sol'-Iletska. Orenburg: Ornit-A, 2009. 151 s.
16. *Lobysevich F.I.* Iletskaya Zashchita // Vsemirnaya illyustratsiya, 1870, № 81. 500–502 s.
17. *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII–nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. T. 2. SPb., 2000. S. 36.
18. Naselenie SSSR: spravochnik / Pod obshch. red. L. M. Volodarskogo. M.: Politizdat, 1983. S. 19.
19. Ob'edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti OGACHO filial Zlatoustovskiy arkhiv. F. I-11. Op. 1, D. 739; F. I-67. Op. 1. D. 8144; F. 19. Op. 1. D. 154, 638; OGACHO, F. I-170, Op. 2, D. 91.
20. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. T. VII. № 4736.
21. Polozhenie o gornozavodskom naselenii kazennykh gornykh zavodov vedomstva Ministerstva finansov. 8 marta 1861 g. Gosudarstvennyy arkhiv novosibirskoy oblasti GANO. F.D-78. Op.1. D. 237. L. 8.
22. Sbornik tsirkulyarov, izdannykh po Glavnomu Tyuremnomu Upravleniyu v 1879–1910 gg. Ch. I. 1879–1895 gg. SPb., 1911. № 2677. S. 100.
23. Sbornik tsirkulyarov, izdannykh po Glavnomu Tyuremnomu Upravleniyu v 1879–1910 gg. SPb., 1911. № 4364. S. 126–127.
24. Ural'skoe khozyaystvo v tsifrakh, 1926 god: kratkiy statisticheskiy spravochnik. Sverdlovsk: Ural'skoe oblastnoe statisticheskoe upravlenie, 1926. C. 6.
25. Ural'skoe khozyaystvo v tsifrakh, 1927 god: kratkiy statisticheskiy spravochnik. Sverdlovsk: Ural'skoe oblastnoe statisticheskoe upravlenie, 1927. C. 5.
26. Ural'skoe khozyaystvo v tsifrakh, 1927 god: kratkiy statisticheskiy spravochnik. Sverdlovsk: Ural'skoe oblastnoe statisticheskoe upravlenie, 1927. 514 s.
27. TsGIA RB. F. I-9. Op. 1. D. 383. L. 58. L. 121.
28. Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Istoricheskiy Arkhiv Respubliki Bashkortostan TsGAI RB. F. I-6. Op. 5. D. 432. L. 383.
29. *Cherdantsev I.K.* Talitsa: ot osnovaniya do sovremennosti / I.K. Cherdantsev; avt. predisl. V. Chertovikov. Talitsa, 1992. 165 s.
30. *Cherkasova A.S.* Masterovye i rabotnye lyudi Urala v XVIII v. M.: Nauka, 1985. S. 79.
31. *Portal R.* LOural au XVIIIe siecle: etude d'histoire economique et sociale. Paris, 1950.